

Захарову повезло. Он ехал в купе вагона «СВ» один. В дорогу взял «Сумму технологии» Станислава Лема. Книгу он купил спустя месяц после окончания института, сразу начал её читать, но вскоре бросил. Этот томик оказался одной из тех книг, в которых содержатся настолько глубокие мысли, что многие боятся к ним даже приблизиться. И хотя в последующие годы он живо интересовался философией, знакомился с трудами многих мыслителей, конспектировал их, «Сумма технологии» почти четыре десятка лет пылилась в его домашней библиотеке по соседству с наследием мудрецов древности и средневековья. И вот, наконец-то, дошла очередь и до неё.

Пища для размышлений имеет неограниченный срок хранения. Захаров читал с завидным азартом, не обращая внимания на стук колёс и бесснежные декабрьские пейзажи за окном. Перечитывал по нескольку раз отдельные абзацы, пытаясь проникнуть в логику автора. Ведь для того, чтобы приручить чужие мысли, иногда требуется много времени. Он сожалел, что не оценил читаемый шедевр раньше, и радовался, что никто не лезет с дорожными разговорами и не мешает ему погрузиться в каскад мыслей знаменитого поляка. Единственно, что иногда отвлекало Захарова, так это предстоящая встреча со станцией Котельниково, которая навевала целый вал воспоминаний. Здесь он родился, тут прошло его детство и ранняя юность. В Котельниково он начал познавать мир, первый раз влюбился, а в шестнадцать лет вместе с матерью и отцом навсегда уехал оттуда в другие края. И так получилось, что за сорок пять лет он ни разу не побывал на своей малой родине. А временами этого очень хотелось, наверное, потому, что встреча со своей молодостью всегда делает тебя моложе.

В Котельниково поезд должен был стоять аж двадцать минут, производилась замена электровоза. Захаров взглянул на часы и, отметив в памяти номер страницы, закрыл книгу.

Вот-вот появится родная станция. Скорее всего, подумал он, на путях по-прежнему продают пассажирам рыбу, варёную картошку, домашние пирожки. Захаров вновь погрузился в воспоминания детства. Он вспомнил ту самую девочку Таню, которой увлёкся в четвёртом классе и любил до самого отъезда, до окончания девятого класса. За сорок пять

лет все лица одноклассников стёрлись в памяти, а вот её лицо он помнил до сих пор. Странно всё-таки устроен человек: помнил, хотя ничего между ними не было, ни малейшего намёка на интимную ласку. Знаки внимания он регулярно проявлял, и она, безусловно, замечала их. Захаров жил тогда совсем как в том стихотворении классика: «Мне бы только смотреть на тебя, видеть глаз златокарий омут...». Это была платоническая любовь, которая ещё не успела деформироваться под воздействием страсти и, видимо, поэтому единственная в жизни. «Боже мой! Как давно всё это было, - подумал Захаров. - Как сложилась её судьба? Где она сейчас? Жива ли?»

Когда за окном медленно проплывало здание вокзала, он, почувствовал лёгкое волнение. Захарову опять повезло: состав прибыл на первый путь, можно будет выйти на привокзальную площадь, посмотреть по сторонам и увидеть близкие сердцу улицы и дома. Конечно, никого из знакомых уже не встретишь, а, если и встретишь, то ни ты их не узнаешь, ни они тебя.

Он вышел из вагона. Холодный ветер кинулся ему на грудь и заставил застегнуть куртку. В глаза сразу бросилась целая армия шумных продавцов, которые судорожно метались от одного вагона к другому, надеясь найти покупателя для своего товара. В их руках чего только не было: копчёная рыба на подносах, пиво, консервированные овощи, сухофрукты, домашняя выпечка, рыбные котлеты, пуховые платки, шерстяные носки и варежки... Но, как и раньше, больше всего было копчёной и сушёной рыбы, оно и понятно - рыбный край. Высыпавшие из вагонов пассажиры покупали в основном именно рыбу. Разноголосые продавцы расхваливали свой товар, и чаще всего доносились слова «сом», «судак», «лещ», «балык».

Пока Захаров шёл по перрону к зданию вокзала, его настигло неприятное известие. По радио объявили, что в связи с опозданием его поезда стоянка будет сокращена. «Вот те на! Значит, далеко от своего вагона отходить нельзя». Захаров развернулся и медленно пошёл по перрону, теперь уже внимательно вглядываясь в лица продавцов.

Одни из них задорно рекламировали свой товар. Другие нерешительным тоном просили купить что-нибудь, - и в этом было что-то унижительное для них. Менялись лица, мелькали товары. И вдруг одно лицо среди продавцов показалось Захарову знакомым. Он подошёл поближе и стал пристально рассматривать худощавую женщину примерно его возраста. В руках она держала поднос, на котором поблёскивала какая-то копчёная рыба. Одета была довольно бедновато: старая куртка с засаленными рукавами, потрёпанная вязаная шапочка, из-под которой просматривались редкие седые волосы, на ногах - башмаки непонятного цвета со стоптанными каблуками. «Не может быть!» Но чем дольше Захаров смотрел на это лицо, тем больше убеждался, что это его Таня, Танечка. Вот и та самая еле заметная родинка на правой щеке. «С ума сойти! Она!» Захаров вплотную подступил к женщине, которая не обращала на него никакого внимания, а пересчитывала только что полученные деньги за проданную рыбу. Захаров взял её за локоть и, когда та повернула в его сторону голову, всё ещё не веря своим глазам, нерешительно сказал:

- Танечка, здравствуй...

Женщина недоумённо смотрела на него несколько секунд - и вдруг в её глазах вспыхнуло радостное возбуждение.

- Юра! Неужели это ты!? Столько лет...

Захаров неуклюже обнял Татьяну и поцеловал в щёку. При этом он ощутил дрожь в её теле. Мешал этот дурацкий поднос, который она держала в руках, и резкий запах копчёной рыбы.

- Да, воды много утекло. А у меня всё-таки была, была надежда; правда, очень маленькая, что я здесь увижу кого-нибудь из нашего класса... И вот, видишь, угадал. Ну, расскажи, как ты живёшь? Есть ли муж, дети, внуки?

- Как живу? - Татьяна никак не могла справиться с волнением. - Вот, рыбой торгую. На учительскую пенсию-то далеко не уедешь. А тут надо ещё дочери помочь. Муж

бросил её с двумя детьми, сбегал куда-то, ни слуху, ни духу, ни алиментов.

- А муж, муж-то у тебя есть?

- Был. - Она махнула рукой. - всю жизнь нервы трепал своим пьянством. Умер три года назад. А сын живёт в Волгограде, приезжает редко, у него там свои заморочки.

- Давай отойдём куда-нибудь в сторонку, - Захаров взял у Татьяны поднос с рыбой и, сделав несколько шагов, поставил его на большой фанерный ящик.

- А я о тебе много раз вспоминала, по-доброму вспоминала. Как ты-то живёшь?

Ложь сглаживает острые углы, и он ответил:

- У меня всё хорошо... А как наш класс? Все живы?

- Обо всех не знаю, встречались как-то лет тридцать назад... Знаю только о тех, кто живёт здесь, в Котельниково. Володя Бачалов был у нас председателем районного суда, спился, умер пять лет назад. А жена у него Любка Житецкая. Помнишь, с тобой когда-то за одной партией сидела? Тоже спилась. Два сына у них, и оба - наркоманы...

- Какой кошмар! Да что у вас тут делается?

- Да то же, что и по всей России... Лидка Кудышкина до сих пор преподаёт в нашем техникуме. Мишка Огурцов работает сварщиком. А Серёжка Семёнов где-то там на канале электриком.

Захаров слушал её, смотрел на глубокие морщины худого лица, на неухоженные руки, заметил как она ёжилась от холодного ветра - и жалость к когда-то любимому существу зашевелилась в его сердце. Он купил у проходившей мимо них торговки самый дорогой пуховый платок и накинул его на плечи Татьяны.

- Это тебе на память о нашей встрече.

- Да ты что!? Такая дорогая вещь...

- И не спорь, не обижай меня. Прошу.

- Ну... тогда спасибо тебе огромное. Я бы за такую цену никогда не купила, - и она поцеловала его в щёку.

Объявили посадку. Захватив поднос с рыбой, они пошли к вагону. В бумажнике Захарова лежала немалая сумма, он очень хотел дать Татьяне денег, чтобы она не стояла тут, не мёрзла. «Но она их, скорее всего, не возьмёт, - подумал он, - да и эта выходка может оскорбить её».

- А как Раиса Ивановна, наша классная? Жива?

- Жива. Но у неё был недавно инсульт, она очень плохо передвигалась. Теперь она в Волгограде у дочери. Как сейчас - не знаю.

- Поезд отправляется, заходите в вагон, - послышался голос проводника.

Юрий передал поднос Татьяне и, вздохнув, сказал:

- Увидишь наших, всем от меня привет и наилучшие пожелания...

Подгоняемый проводником, он поцеловал замёрзшую холодную руку Татьяны и поднялся в тамбур. Вагон вздрогнул, и сердце Захарова трепыхнулось и защемило. Его детская любовь стояла со своим неразлучным подносом и тихо всхлипывала. На её плечах красовался большой белый пуховый платок. Вдруг Татьяна рванулась к закрывающейся двери, и он услышал её последние слова:

- Юрочка, спасибо тебе за всё! Слышишь, за то, что ты был в моей жизни!...

... Не снимая куртки и фуражки, Захаров в одиночестве сидел в своём купе. На столике лежала книга. Читать её не хотелось. Дорога утомляет, особенно если это дорога жизни.